

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-278-286

EDN: PUXIYY

Старые ценности новой сельскости*

А.М. Никулин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия

(e-mail: harmina@yandex.ru)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на книгу «Деревня как ценность. Идеологии и практики новой сельскости» (редакторы-составители Е. Мельникова, П. Куприянов, М. Лурье. М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»; Common Place, 2025. 512 с.). Книга посвящена феномену так называемой новой сельскости, которая рассмотрена на материалах антропологических исследований, проведенных в разных сельских поселениях в основном российского Северного Нечерноземья, но упоминаются и сельские кейсы из Словакии, Кыргызстана и Латвии. Книга представляет собой сборник статей участников долговременного исследовательского проекта «Новая сельскость», в ходе которого изучались современные российские сельские институты, практики и социальные взаимодействия, причем проекта с весьма драматической историей реализации. В предисловии редакторов-составителей описаны основные этапы исследовательского проекта, прервавшегося неожиданными эпидемиологическими и политическими событиями 2020-х годов.

Ключевые слова: деревня; новая сельскость; сельская антропология; модернизация; сельская социальность; советский и постсоветский периоды

Для цитирования: *Никулин А.М.* Старые ценности новой сельскости // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 1. С. 278–286. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-278-286> EDN: PUXIYY

*Он был человеком... с неточным широким лицом,
похожим на сельскую местность.*

Андрей Платонов

Рецензируемая книга начинается с аналитического вступления Е. Мельниковой, где представлен обзор парадигм сельской антропологии в контексте традиций изучения сельскости обществоведческими дисциплинами, а завершается послесловием О. Бредникова и Е. Никифоровой, где при-

*© Никулин А.М., 2026

Статья поступила в редакцию 10.10.2026. Статья принята к публикации 15.01.2026.

ведены итоги изучения деревни в рамках этого антропологического сельского сборника, состоящего из 13 статей, сгруппированных в пять тематических разделов: модернизация, постсоциализм, культурная колонизация, сельская социальность, биографии и траектории.

Первый раздел открывается статьей А. Соколовой о проектировании, развитии и упадка лесных поселков Карелии в советскую и постсоветскую эпохи. Автор рассматривает логику принятия решений о строительстве лесных поселков в 1940-е–1950-е годы в плановой экономике СССР. Политика лесного «поселкостроения» характеризуется как один из отраслевых и временных советских вариантов управления взаимодействием города и деревни (в статье представлены несколько таких вариантов, выполненных городскими проектировщиками сельских лесных поселков, они проиллюстрированы чертежами и фотографиями). Автор критикует замыслы и реалии лесных поселков и их жилищ, часто неблагоустроенных, несущих в себе многие дефекты бюрократического проектирования и регулирования сельской жизни, и задается вопросом о специфическом феномене лесного поселка в советской и постсоветской дихотомии город — село, фактически оставляя этот вопрос без ответа.

Вторая статья раздела, написанная Т. Ворониной, посвящена проблеме маргинализации сельской молодежи в ходе трансформации советского образования в конце 1950-х–1970-е годы. Статья начинается с биографического кейса некоего Гены С., родившегося в 1954 году в одной из деревень Вологодской области: в армии он не служил по медицинским показаниям, не обзавелся семьей, жил с мамой, работал в совхозе, расширял свое ЛПХ в трудные постсоветские времена и в итоге оказался последним жителем своей деревни, где сегодня появляются лишь дачники летом. От биографического кейса автор переходит к статистическим данным о трансформации школьного обучения в Вологодской области в 1960–1970-е годы, показывая, что для многих сельских подростков после советской восьмилетки последующее обучение представлялось излишеством, если они собирались заниматься колхозным, крестьянским трудом на своей сельской родине. Советский государственный подход к образованию сельской молодежи автор критикует с позиций идей М. Фуко — через понятие подчиненного знания показана борьба государства с местным локальным знанием посредством насаждения сверху, из центра, дисциплинирующего знания, сохраняющего иерархию сельско-городского неравенства.

Второй раздел книги «Постсоциализм» почему-то состоит из трех статей зарубежных авторов. Может показаться, что проблематика сельскости постсоциалистического периода не имеет к России отношения, что неверно. Во-первых, каждая статья книги более или менее подробно затрагивает временной интервал как до, так и после 1991 года. Во-вторых, в этом разделе в антропологических примерах из Словакии, Кыргызстана и Латвии

российский читатель обнаружит множество знакомых проблем сельских домохозяйств, миграций и опустошений, актуальных и для постсоветской сельской России. Так Ю. Бузлака пронизательно описывает значение крестьянского дома в постсоциалистической Словакии, опираясь на исследования С. Гудемэна и делая обоснованный вывод об изменении «экономики дома в эпоху государственного социализма, которая заменила собой землю в качестве основного источника средств к существованию, достоинства и безопасности... посткрестьянский дом в социалистический период был главным типом инвестиции, символом престижа и активом... он представляет собой устойчивый культурно-экономический институт, выходящий за рамки доминирующих экономических идеологий» (С. 151–152).

А. Мурзакулова характеризует ценность дома в трудовой миграции сельского Кыргызстана, показывая взаимосвязь миграции и домостроительства в формировании новой постсоциалистической сельскости — ее центральными акторами становятся мигрант из села и его родные, оставшиеся дома. В отличие от сельских регионов европейского постсоциализма, в Кыргызстане не наблюдается деградации и руинизации сельской жизни, что подтверждается активным строительством и спросом на сельское жилье. Автор характеризует эти процессы как неосознанное стремление даже молодых семей, активно вовлеченных в миграционно-домоводственное разделение труда, развивать капитализм в сельском Кыргызстане.

Противопоставлена плотной наполненности центральноазиатского села проявлениями продуктивного симбиоза между сельской международной миграцией и местным сельским домостроительством картина сельской жизни в латвийских деревнях, описанная Д. Дзеновской как долговременная экономическая и демографическая депрессия и депопуляция в постсоциалистический период. Автор приводит целый ряд причин все углубляющейся пустоты латвийского сельского существования: неолиберальный курс экономических реформ, обусловивший деградацию и гибель экономического и социального наследия латвийских колхозов, политически мотивированный разрыв экономических и социальных соседских связей с Россией и, как результат, долговременный и широкомасштабный миграционный отток населения из сельской Латвии (русскоязычного населения — в Россию, латышского — в страны Европы). Причем, в отличие от сельских мигрантов из Кыргызстана, сельские мигранты Латвии редко возвращаются обратно к своим домохозяйствам. Итог — гнетущая опустошенность латвийского села, которую автор иллюстрирует фотографиями не только отдельных заброшенных домов, но целых покинутых поселений. Это подтверждает и приведенная в статье статистика: количество латвийских деревень сократилось с 8547 в 2011 году до 6314 — в 2018.

Автор размышляет о наступающей постсоциалистической пустоте не только в сельской Латвии, но, например, в деиндустриализирующихся мо-

ногородах России или «убывающих городах» Восточной Германии. Однако в статье приводятся и аргументы сторонников нормальности пустоты, как правило, действующих чиновников, заявляющих, что «опустение — это необходимая чистка после десятилетий искусственной и неэффективной экономической деятельности Советского Союза... опустение в сельской местности — это просто способ догнать Запад... в условиях капиталистической свободы “природа” (т.е. рыночная экономика) берет свое» (С. 201–202). Но у латвийских сельчан, еще остающихся в деревнях, имеется свое, несогласно пессимистическое мнение на этот счет. В заключение автор дает достаточно загадочное определение главному понятию своего исследования: «Пустота — это не аномалия, которая предваряет счастливую жизнь или приходит после ее окончания, а все более распространяющаяся форма жизни, сформированная ориентацией на еще неизвестное, но совершенно иное будущее» (С. 214).

Третий раздел составляют статьи, для которых понятие «колонизация», особенно «культурная колонизация», — главная аналитическая категория. Так, П. Куприянов рассматривает ряд культурных инициатив горожан в сельской местности как своего рода (пост) колониальные практики, выстраивая любопытные дихотомические типологии моделей деятельности горожан-сельчан — миссионерская (условно колониальная) и паломническая (условно антиколониальная), в целом отражающие модные особенности постколониального дискурса.

Другая статья раздела, написанная П. Куприяновым в соавторстве с Н. Савиной, основана на антропологическом исследовании двух достаточно успешных проектов развития ярославских сельских музеев — «Учмы музейной» и «Тыгыдыма» (до недавнего времени Учемский музей участвовал и побеждал в европейских конкурсах, а «Тыгыдым» обеспечивал аутентичность русской вышивки для парижских кутюрье). В конце статьи авторы с изрядной долей витиеватости определяют существенные особенности обследованных музеев: «При всей включенности в глобальный контекст оба музея тщательно оберегают и поддерживают свою локальность, удаленность и камерность, создавая тем самым необходимое культурное “напряжение” между разными “полюсами” большим миром и маленькой деревней... играют уникальную роль культурного медиатора, функция которого состоит не только в обеспечении взаимосвязи этих двух полюсов, но и в постоянном поддержании и воспроизводстве границы между ними» (С. 279–280).

Статья, написанная К. Гавриловой, исследует ряд противоречий вокруг трех фестивалей в поселке Териберка (прославился после выхода фильма А. Звягинцева «Левиафан», где ряд сцен снимался в Териберке). Отмечая, что туризм и фестивали часто выступают инструментами развития территорий, автор анализирует возникающие здесь противоречия

на примере культурно-идеологического соперничества трех фестивалей, деливших несколько лет (порой скандально) пространство Териберки. Фестиваль «Териберка. Новая жизнь» проходил под эгидой известного кооператива «ЛавкаЛавка»: москвичи проводили фестиваль достаточно высокомерно и бесцеремонно с точки зрения местных териберчан, поэтому они организовали собственный фестиваль «Рыбка-окунечек», а региональная администрация (Мурманск) создала фестиваль «Териберская волна». Пик «фестивальных войн» пришелся на 2017 год, что привело к учреждению в 2021 году природного парка «Териберка». «В конце концов доступ к разным частям поселения, к землям внутри поселка и побережью, “закрыли” не московские энтузиасты, стремившиеся спасти депрессивное поселение, а одобренный региональной администрацией организованный бизнес, молчаливо и эффективно инвестирующий в собственный сценарий перестройки Териберки» (С. 332).

Четвертый раздел открывается статьей А. ТUTORского, которая сначала производит странное впечатление довольно субъективным утверждением, что исследователи села слишком гомогенизируют и обобщают его жителей, создавая некий цельный образ крестьянина — будь то гигант Герасим из тургеневского «Муму», «Великий незнакомец» из хрестоматии Т. Шанина, представитель гемайншафта в концепции Ф. Тенниса и т.д. ТUTORский смотрит «на жителей деревни не как на усредненного “крестьянина”, “мужика” или “колхозника”, а как на множество людей с различными интересами, прошлым и желаниями» (С. 334). Голословно смастерив образ «обобщенного сельчанина» и приписав его творчеству Тургенева-Шанина-Тенниса и Фостера-Энгельгардта, автор собирается отбросить его ради воссоздания «агентности жителей деревни». По сути, автор зачем-то ломится в открытую дверь, сводя потрясающее богатство индивидуальных крестьянских образов, созданных автором «Записок охотника», к трогательной фигуре дворового глухонемого с собачкой, кстати, ничуть не похожей на какого-то обобщенного «мужика». То же можно сказать и про исследования сельских индивидуальностей, воссозданные и проанализированные в хрестоматии Т. Шанина и других работах его школы [3].

Далее на протяжении довольно эмоционально и методологически спутанной статьи, комбинирующей рассказ Д. Буцати «Забастовка телефонов» с полевыми материалами из отдаленных архангельских районов — Пинежского, Мезенского и Лешуконского, нареченных автором Запинежьем, ТUTORский обосновывает и применяет понятие сингулярности. Автор достаточно подробно показывает и тщательно интерпретирует поведение и высказывания своих сельских респондентов, стараясь разобраться в проявлениях их личностных особенностей в контексте пространственного взаимодействия локальных социумов. Сумбурное и эмоциональное заключение статьи

автор вновь строит на отрицании некоего не дающего ему покоя незнакомца: «В деревне “таинственный незнакомец” не нужен. Изначального конфликта не возникает, а случай поговорить не вдвоем, а вчетвером-вшестером представляется как дополнительная возможность получить больше информации, чем в результате двухстороннего разговора. Более того, разговор воспринимается как эмоционально положительный, во время которого... все “повеселились”» (С. 354).

Вторая статья раздела о сельской социальности, написанная Т. Щепанской, ставит вопрос о том, что такое сельская идентичность, и автор ищет ответ на него на основе своих полевых исследований в деревнях Новгородской, Костромской, Вологодской, Нижегородской и Ленинградской областей. Понятие сельскости в статье характеризуется как прежде всего (ускользающее) социальное пространство, на которое оказывает значительное влияние сезонная и периодическая миграция. Автор предлагает иерархию сельскости — социализация, кооперация и моральная оценка, подчеркивает особое значение переходов современной сельскости от кооперации к коммеморации, выделяет так называемое дистанцированное сельское (ретроидентификация) и характеризует сельский туризм как прежде всего коммодификацию ностальгии по сельскости.

Последняя статья раздела о сельской социальности А. Захаровой посвящена локальной сельской бюрократии: место действия-службы бюрократов имеет существенное значение для их характеристики, например, можно выделить «пригородных» бюрократов, но в центре внимания статьи оказываются бюрократы сельские с собственным пониманием сельскости, связанной с ее бюрократической риторикой и прагматикой. Как правило, они апеллируют к образам сельской «традиционно-советской» коллективности, на практике искусно регулируя сельскую сплоченность в зависимости от ситуации. Сельская бюрократия предпочитает комбинировать бюрократические и патримониальные стили управления местным населением, «продолжает в своих нарративах и негодующих репликах отсылать к утопическому образу села, который как будто воссоздается в реальности через действие низовых управленцев. Называя определяющим... смыслом своей работы помощь односельчанам, сельские бюрократы, на контрасте с “безучастными” и “отчужденными” жителями поселения, словно пытаются сохранить размывающуюся сельскость, заключающуюся во взаимопомощи и сострадании друг другу» (С. 428).

Пятый, заключительный раздел открывается обширной статьей Е. Мельниковой, где автор, исследуя биографические истории горожан, переехавших в деревню, обращается к идеям и идеологиям рурализации, сосредоточившись на процессах обретения горожанами себя в деревне. Вторая статья раздела написана Т. Щепанской и основана на использовании метода нетнографии как этнографического наблюдения социальных ком-

муникаций в интернете. В центре исследования находятся интернет-сети выживальщиков и преперов — анализируются особенности их идентичности, субкультурного капитала и дискурсивных сообществ, в частности русскоязычная нетнография о выживании в деревне. В итоге автор приходит к вполне обоснованному выводу: «Рассматривая прагматику представлений о селе как о спасении, можно определить их как одну из форм идеологического обоснования дезурбанизации... Спецификой субкультурной идеологии выживания/преперства является ориентация на конструирование автономного социального мира, оборачивающегося утопией при попытке его реализации» (С. 485).

Заключительная статья сборника написана О. Бредниковой и Е. Никифоровой — специально приглашенными авторами. Отталкиваясь от собственных, ранних, первых, порой еще детских сельских впечатлений, часто незабываемо трогательных, они обращаются к своему опыту изучения сельскости, который 12 лет назад был представлен в коллективной монографии «Вдали от городов. Жизнь постсоветской деревни» [1], которая для своего времени была значимым явлением в исследованиях путей постсоветской трансформации сельской жизни. Авторы проводят своеобразное сравнение двух коллективных монографий — давней и нынешней, где они не участвовали в исследовательском проекте. В целом положительно оценивая рецензируемую книгу, они отмечают и ее ограничения, например: в ней почти не рассматриваются вопросы аграрного производства; ее составители сосредоточились преимущественно на некоторых районах Северного Нечерноземья, оставив без внимания сельскость Черноземья, Юга России, Сибири и т.д.; кейсы основаны на разнообразных теоретико-методологических подходах, почти никак не согласованных меж собой. Все это фактически признается во введении к книге, написанной от имени всего авторского коллектива Е. Мельниковой, П. Куприяновым и М. Лурье: они поясняют, что применили в композиции статей принцип мозаики или лоскутного одеяла, чтобы представить разные дисциплинарные традиции и подходы, но самокритично подчеркивают: «Основные недостатки такой конструкции вполне предсказуемы. Книга, написанная авторами, не разделяющими теоретических оснований и смотрящими на сельскость каждый из своего методологического окошка, не может служить формой аргументации общего тезиса и не позволяет увидеть целостную картину ни сельскости, ни сельской антропологии» (С. 9).

Что же тогда может эта книга? Как ни странно прозвучит, но книга в значительной степени подтвердила многие старые ценности деревенско-городской жизни. Например, хотя в ряде статей ее авторы призывают уйти от всем известных дихотомий (как город — село), отчасти преодолеваемых в концепциях сельско-городского континуума,

они сами продолжают использовать сельско-городские дихотомии этого континуума (см., напр.: [4; 7]). Стараясь найти новые смыслы в новой сельскости, они, несмотря на различия теоретико-методологических подходов, по-прежнему наполняют сельскость XXI века размышлениями о безопасности деревенской жизни, покое, уединенных поисках смысла человеческого бытия, ностальгии, семейственности сельского дома, спасении от городской суеты и т.д. почти в духе описаний прелестей деревенской жизни и ее ограничений в «Евгении Онегине».

Пожалуй, новое в книге — некоторое тревожно критическое осмысление дальнейшей агрессивно-высокомерной эксплуатации городами сельской жизни, что приводит к новой сельской опустошенности в Прибалтике, культурно-фестивальным конфликтам и проблематичным музейным проектам в российской глубинке, драматичным миграционным сельско-городским процессам от России до Кыргызстана. Эту тему можно было бы более систематически развить и обобщить, используя ряд новых концепций, которые, к сожалению, не нашли отражения в книге [5]. В то же время книге не хватает описаний и анализа обыденных, отнюдь не единичных практик положительного участия горожан в сельской жизни [2; 6].

В любом случае концепция новой сельскости, введенная в научный оборот латиноамериканскими исследователями села и подхваченная европейскими учеными, сегодня разрабатывается во всем мире, включая Россию (С. 11–12). Изучение новой неопределенности и подвижности границ между городом и селом, безусловно, способствует новому витку оригинальных исследовательских проектов новых/старых ценностей деревни, свидетельство чему — рецензируемая книга.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Библиографический список

1. Вдали от городов. Жизнь постсоветской деревни / Под ред. Е. Богдановой, О. Бредниковой. СПб., 2013.
2. *Виноградский В.Г., Виноградская О.Я., Никулина Е.С.* Экология сельского мира как предмет социологического исследования // Крестьяноведение. 2020. Т. 5. № 1.
3. Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М., 2002.
4. *Троцук И.В.* Сельский человеческий капитал в концептуальной оптике: континуум и/или пост-изм? // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 2.
5. *Форбруг А.* Этнографии медленного насилия: исследование последствий разрушения сельской инфраструктуры // Крестьяноведение. 2020. Т. 5. № 1.
6. *Averkieva K.V.* Rural gentrification: City dwellers in rural areas of Russia's non-chernozem region // Russian Peasant Studies. 2023. Vol. 8. No. 4.
7. *Trotsuk I.V.* A few methodological notes based on the field observations of rural human capital in the Russian Non-Black Earth Region // Russian Peasant Studies. 2024. Vol. 9. No. 2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-278-286

EDN: PUXIYY

Old values of the new rurality *

A.M. Nikulin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia

(e-mail: harmina@yandex.ru)

Abstract. The article is a review of the book *Village as a Value. Ideologies and Practices of New Rurality* (editors-compilers E. Melnikova, P. Kupriyanov, M. Lurye. Moscow: Khamovniki Foundation for the Support of Social Research; Common Place, 2025. 512 p.). The book considers the phenomenon of the so-called new rurality based on anthropological studies conducted in various rural settlements, mainly in the Russian Northern Non-Black Earth Region, but also mentions rural cases from Slovakia, Kyrgyzstan and Latvia. The book is a collection of articles by participants of the long-term research project “New Rurality”, focusing on contemporary Russian rural institutions, practices and social interactions, and this project has a rather dramatic history. The editors’ preface describes the main stages of the research project interrupted by unexpected epidemiological and political events of the 2020s.

Key words: village; new rurality; rural anthropology; modernization; rural sociality; Soviet and post-Soviet periods

For citation: A.M. Nikulin. Old values of the new rurality. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (1): 278–286. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-278-286> EDN: PUXIYY